

М. И. Козьякова²QUO VADIS: ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
К ПРОТИВОСТОЯНИЮ РОССИИ И ЗАПАДА

Эмерджентные и радикальные перемены, происходящие в конце XX — первых десятилетиях XXI века, нарушают устойчивость среды обитания: на место предсказуемого, значимого мира приходит мозаичное многообразие спонтанных вариаций, не поддающихся каким-либо прогностическим процедурам. Тем не менее вопрос о будущем мироустройстве становится все более значимым, а перспективы развития цивилизаций превращаются в проблемное поле социальной философии и культурологии. От диалога до противостояния: путь, пройденный за последние 10 лет, привел к трагическим результатам — к санкциям, «отмене» русской культуры, угрозе национальной безопасности, СВО. Тем более важным представляется анализ причин, истоков, обстоятельств этой катастрофической событийности.

Цивилизация Запада (техногенная, новоевропейская — термин по классификации В. С. Степина) оказалась невероятно динамичной и успешной. «Этот тип развития дал человечеству множество достижений в сфере технологического прогресса, новой медицины, обеспечивающей продление человеческой жизни, улучшение качества жизни в странах с высоким уровнем экономического развития. И до середины XX века господствовало убеждение, что именно на этом пути человечество достигнет процветания и что страны Запада находятся в авангарде движения к лучшему будущему человечества»³. При этом, правда, апологеты

данного «просперити» старались не замечать, что эти достижения были получены за счет беспощадного грабежа многочисленных колоний, эксплуатации и гибели их аборигенного населения. Помимо существования колониальных империй, за respectable обложкой западного проекта «демократии и прогресса» скрывались и другие скелеты в шкафу. К не менее позорным страницам средневековой европейской истории, подготовившим экономический и политический экспансионистский триумф Нового времени, относятся Крестовые походы XI–XIII веков, инквизиция и охота на ведьм, уничтожение политических и религиозных противников правящей элиты, тоталитарные практики, обращенные к низшим сословиям. Запад, ничуть не стыдясь и не скрывая высокомерия, создает идеологему превосходства «белого человека», которому Богом и судьбой предназначено «цивиловать» варварское население «остального», «незападного» мира, так называемого Rest.

Rest — это термин, которым обозначают все западные общества. Он получил широкое распространение после опубликованной в 1994 году статьи С. Хантингтона «Clash of civilizations?». В ней автор выдвинул формулу, ставшую в некоторой степени лозунгом: «West against the Rest» — «Запад против всех остальных» (англ.). Данный концепт стал активно использоваться для определения не только цивилизационного, но и экзистенциального противостояния, поскольку Rest и в наше время однозначно характеризуется как варварская периферия.

Трансформация чуждости во враждебность имеет давнюю историю. Европейцы эпохи Ренессанса воспринимали население новых земель как отсталое и варварское. Они искали золото и считали все вокруг своей законной добычей. В это время в Европе происходил процесс первоначального накопления капитала, и европейцы прекрасно понимали значение такой категории, как «собственность». Она была чрезвычайно важна для них, потому что определяла их благополучие, перспективы развития, возможность дальнейшего обогащения.

Местные жители, не обладавшие столь развитым чувством собственности, присущим европейцам, не понимавшие ее смысл, по мнению завоевателей из Старого Света, явно находились на более

¹ Кочетов Д. Вызовы в кадровой политике 2023. Какие инструменты эффективны с текучкой кадров сегодня // PROКачество : [сайт]. URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/instrumenty-menedzhmenta/vyzovy-v-kadrovoy-politike-2023/> (дата обращения: 05.06.2023).

² Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций — статей, монографий и учебных пособий, в т. ч.: «Эстетика повседневности: материальная культура и быт Западной Европы 15–19 веков», «История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от Античности до XX века», «Исторический этикет», «Русский мир: фундаментальные проблемы современности», «История культуры. Европейская культура от Античности до XX века: Запад и Россия», «Повседневность Средневековья» и др. Член Московского отделения Российского культурологического общества. Эксперт РАН.

³ Степин В. С. [Выступление на панельной дискуссии] // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб. : СПбГУП, 2017. С. 259.

низком, варварском уровне и не могли быть равны европейцам. Следовательно, делался вывод, аборигены нуждались в руководстве, которое должен был осуществлять белый человек, более зрелый в социальном и институциональном плане, то есть более цивилизованный. Такова была позиция, фундированная идеологами, защищавшими и обосновывавшими институт частной собственности, например Дж. Локком. По данной теории варварские народы, не имея представления о частной собственности, не способны достичь более высокого — европейского — уровня развития.

Утверждая свою «цивилизаторскую миссию», европейцы опирались на прецедент римского права, где был тезис о *res nullius* — ничейной вещи (лат.), то есть вещи, у которой нет законного хозяина. С открытием новых земель в эпоху Великих географических открытий ничейная вещь превратилась в ничейную землю — *terra nullis*. Новая земля как территория просто не имела легального собственника. Этот принцип легитимизировал вытеснение аборигенов с их исконных земель как в эпоху испанских конкистадоров, так и в эпоху «освоения» ангlosаксами индейских территорий, он работал как на Американском континенте, так и в Юго-Восточной Азии, в Океании.

Казалось бы, все это дела и теории давно минувших дней. Но нет, этот концепт используется и в современной политике. Идея *terra nullis* оживает в современных аргументациях. Например, она фигурирует в монографии Ф. Фукуямы «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке»¹. Изменяя лексику на современную, Ф. Фукуяма распространяет эту идею на реалии XXI века, так называемого Нового американского века. Место «дикарей» теперь занимают «страны-неудачники», «государства-изгои» или же государства с «девиантным, отклоняющимся поведением»; понятно, что последние назначаются распоряжением главного центра этого однополярного мира. Предполагается, что страны, отнесенные к категории нецивилизованных, своим существованием бросают вызов цивилизованному миру и угрожают мировому порядку. Тем самым не только обосновывается вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом их реформирования и модернизации, но и оправдывается прямое вооруженное вторжение: в Афганистан, Ирак, другие страны.

Современный дискурс о противостоянии варварства и цивилизации развивается дальше, трактуя Запад как последний оплот в защите цивилизованного мира, а Соединенные Штаты — как некий сияющий град на вершине холма, которому грозит уничтожение со стороны варварских народов. При таком подходе США «возвышаются как Новый Рим... способный сдерживать напор варваров». Эти идеологи поддерживаются не только американскими, но и европейскими высокопоставленными представителями, достаточно вспомнить высказывание Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, прозвучавшее не так дав-

но. Он сравнил «привилегированную» Европу с садом, а окружающий ее мир — с джунглями.

Неоколониальная повестка репрезентируется также и практикой, в том числе примерами поведения новых членов объединенного Европейского сообщества — стран так называемой Средней Европы. Новые страны, не так давно вошедшие в НАТО, стремятся продемонстрировать свою благонадежность. Единожды полученная индульгенция, оправдывающая неоколониальные, а зачастую и прямо расистские действия принадлежностью к «цивилизованному миру», проявляет себя все в новых обличьях. В западной литературе конца XX — начала XXI века распространился так называемый стандарт цивилизации, определяющий набор характеристик, которыми должна обладать нация или страна, чтобы «войти в семью цивилизованных народов».

Пропасть между «цивилизованностью» и «варварством» становится все шире и глубже, туда попадает все больше стран, рискнувших вызвать неудовольствие своего сюзерена. Цивилизованный Запад, однако, породил нацизм и многочисленные страшные войны, стал источником угнетения и дискриминации для всего остального мира, так что, действительно, деление на the West and the Rest и противостояние между ними является исторически детерминированным.

Так куда же идет человечество, к какому типу цивилизации мы движемся, что ожидает нас в будущем? Признаком валидности данной проблемы можно считать колоссальный объем литературы, в той или иной степени связанной с данной тематикой. Это не только научная фантастика, эссеизм, беллетристика, являющаяся в известной степени продолжением знаменитых романов-антиутопий О. Хаксли и Дж. Оруэлла, но и серьезная научная литература. К ней относятся работы, анализирующие философские, социологические, культурологические, политологические, синергетические, технологические проблемы современности и возможности их разрешения, исследующие те или иные социокультурные тренды, экстраполируемые в обозримые временные периоды.

Находясь на стыке разных специальностей, футурологические исследования предстают как некий синкретизм нового имплицитного смыслополагания, позволяющего в той или иной степени оценить векторы эволюции, спрогнозировать контуры будущего в контексте мирового культурного развития. Образцы классических футурологических исследований можно найти как в западной, так и в отечественной гуманитаристике — это, к примеру, работы Д. Белла, И. Бестужева-Лады, З. Бжезинского, С. Капицы, С. Курдюмова, Д. Медоуза, Дж. Несбитта, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и др.²

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004; Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М.: Пед. о-во России, 2002; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 2003; Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003; Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М.: АСТ,

¹ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

Рассматривая будущее развитие, пытаясь проследить и зафиксировать его контуры в контексте мирового цивилизационного процесса, необходимо соблюдать крайнюю осторожность по отношению к любым футурологическим концептам. Образ будущего субъективен и фрагментарен, незавершен для каждого данного момента времени; кроме того, он глобален и одновременно индивидуален, поскольку формируется как в общественном, так и в индивидуальном сознании каждого конкретного человека. Помимо всего прочего, он имеет суггестивную характеристику. Будущее сопряжено в социальной рефлексии не только и не столько с физической природой самого явления, сколько с его аксиологической модальностью, с психологическим восприятием перспектив развития в контексте легитимизированных ценностных систем.

В самой сущности прогноза уже содержится смысловая акцентуация. Человечество уже вступило в эру глобальных потрясений, системных кризисов, техногенных и экологических катастроф. Тема неизбежности глобальной катастрофы, апокалиптичности грядущего звучит во многих публикациях, и общий тон оценки, скорее, пессимистичен, чем оптимистичен. Пессимистические оценки созвучны предполагаемой фатальности мирового развития, факторами которой выступают перенаселение, нехватка ресурсов и возникающие на этой почве конфликты; страх перед экологической или ядерной катастрофой; углубление социального неравенства; разрушение семьи, изменение норм сексуальных отношений; программирование сознания и поведения людей при помощи современных технологий; этнические, политические, религиозные, цивилизационные конфликты. Регрессивные прогнозы, репрезентирующие данный нарратив, рисуют более драматичный, чем предполагалось ранее, образ наступившего XXI века. И наоборот, в концепциях, опирающихся на экономический рост и технологический прогресс, будущее может быть представлено более оптимистично — как улучшение качества жизни, совершенствование различных параметров жизненной среды. Амплитуда смысловых, оценочных характеристик прогнозов чрезвычайно велика, при этом сами авторы, предлагая публике свои магические корреляты, зачастую отказываются от определения релевантности прогнозов.

Вопрос, каким будет XXI век, представляет собой осевую линию спора футурологов, отдающих предпочтение тем или иным концептам постиндустриального (информационного) общества. Тем не менее типичными прогнозами являются сценарии развития на 10–15 лет. Примером подобных прогнозов могут служить работы ведущих исследователей-футурологов, в которых намечаются и анализируются направления, своеобразные векторы, детерминирующие развитие общества в ближайшие десятилетия. Так, например, прогнозы, которые сделали Дж. Нейсбит и П. Абурден в 1982 году в книге «Мегатенденции: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь», во многом оказались верными.

2008 ; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ : Neoclassic, 2015 ; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ : Neoclassic, 2017.

Некоторые тенденции, носившие генерализованный характер, имели пролонгированный срок действия: они продолжились и в первые десятилетия XXI века. Это культурный национализм, подъем стран Тихоокеанского региона, религиозное возрождение нового тысячелетия. Также исследователям удалось наметить некоторые тенденции следующих десятилетий. В первую очередь к ним относятся экологические тренды в самом широком понимании этого явления — экология природы, самого человека и его среды обитания.

Лавинообразная трансформация и планетарный характер воздействия человека на окружающую среду становятся настолько фатальными, что на первый план неизбежно выходит вопрос экологической перспективы, обеспечивающей необходимое равновесие между природой и человеком — тот баланс, который может служить сохранению жизни. Глобальная проблема современности — защита окружающей среды — приобретает особое значение в контексте гуманитарного дискурса. Экологический вектор побуждает оценивать человеческую деятельность, исходя не просто из критериев эффективности, но из этической и эстетической значимости ее результатов, способствующих сохранению органической целостности жизненной сферы.

Идея покорения природы была одним из краеугольных камней духовного фундамента общества модерна — трехсотлетнего этапа культуры Нового времени, завершающегося, но все еще «незавершенного проекта» (Ю. Хабермас). Западный человек продолжает идти по пути войны с природой, длившемся «от Гераклита до Хиросимы» (М. Серр), все дальше уходя от собственного естества. The West and the Rest повторяется в разных вариантах.

Как и в истории якобы существующего противостояния цивилизации и варварства и в истории борьбы с природой, противостояние Запада с Россией было спровоцировано экспансионистскими интенциями самого Запада, воспринимающего себя как форпост цивилизации в окружении варварской периферии. Вспомним исторические факты: получив новую веру из Византии, Русь присоединялась к «материку» православного христианства. Империя ромеев являла собой символ богатства и мощи, пример не характерного для той эпохи прочного государственного образования с сильной централизованной властью, организованной бюрократической машиной и армией.

Византия, как писал Дж. Тойнби, «опережала западное христианство на семь или восемь столетий, ибо ни одно государство на Западе не могло сравниться с Восточной Римской империей вплоть до XV–XVI веков»¹. Известный медиевист Ж. Ле Гофф указывал, что для обитателей средневекового Запада богатство Византии было первым предметом зависти: «Даже для тех людей Запада, которые не созерцали ее чудес, Византия была в Средние века источником почти всех богатств»², в том числе духовных. Западные теологи XII века заново открывали для себя греческое богословие — «свет идет с Востока».

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. С. 319.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Издат. группа «Прогресс» : Прогресс-Академия, 1992. С. 135.

XVI век с полным основанием называется веком русского одиночества. Падение Византии совпало с возвышением Москвы — она стала центром Московской Руси, собирающей вокруг себя земли. Идея Третьего Рима легла на благодатную почву, стала естественной в данных исторических условиях. «Русские не были узурпаторами, бросающими вызов живым владельцам титула. Они остались единственными наследниками... Русский народ... унаследовал права и обязанности Римской империи»¹. Вместе с правами Рос-

сия одновременно унаследовала и сложное, двойственное отношение Запада к восточным христианам: «брат мой — враг мой»: так, Константинополь был захвачен и разграблен участниками 4-го Крестового похода. Отношение, далекое от идеалов христианского взаимопонимания, после падения Византии перешло на Россию, надолго определив модус ее восприятия на Западе. Спустя столетия мы пожинаем плоды старой вражды. Противостояние, однако, не было нашим выбором, наш выбор — диалог культур.

¹ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 496.